

В С Т Р Е Ч А

Горький умер... Но невозможно пред-ставить Алексея Максимовича мертвым, лежащим в трубу... После встречи он навсегда запечатлелся в памяти живым, жизнерадостным, улыбающимся.

Встреча с Горьким происходила в шестидесяти километрах от Москвы, в Горках. Ущипенно билось сердце, когда я взойшел на ступеньки поезда. Встреча с Горьким, с великим человеком, с мировым писателем, с другом Ленина и Сталина! Но каким простым и доступным оказался человек, достигший мировой славы!

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветствовал он обаяющим баском. — Проходите.

Сели в большой комнате второго этажа за столом, накрытым белоснежной скатертью.

— Рассказывайте...

Он откашлялся, закурил, положил на стол локти. Ласковые, умные серые с голубиной глаза были полны вниманием. Завязалась беседа о Нижнем (он спешился называть город своим именем). Я рассказывал ему о том, что Литературный музей его писанин переехал в новое помещение, в дом, принадлежавший раньше купчихе Бурмистровой.

— Бурмистровой? Позвольте, где это?

— На Жуковской. Неподалеку от того дома, где жили вы со студентом Соколовым и где вас арестовали.

— А, помню... Бурмистрова, миллионерша, урожденная Рукатишвили. Напротив были оранжевые цветы... Как же, помню...

Он расспрашивал о Мызе, и при этом рассказывал, кто жил там на дачах; интересовался Канавином, Сормоном, автолюбильным заводом, вспоминая яркие события и факты из прошлого. В словах его чувствовалась большая, теплая любовь к городу, где он родился, рос, провел детство, прошел суровую школу жизни и где вышел в «люди». И шельзя было не поражаться его совершенно исключительной, богатой памятью.

— Недавно Матвей у меня был (Потребинский), рассказывал интересную историю. Колхозники в немуче приняли — чертешки театра своего разбирать. Протестуют: не надо за сценой уборных, сквер-

ный запах будет. Успокоил их Матвей: уборные, дескать, для грима, а не какие-нибудь другие. Видите, как мужик бывший к культуре стал относиться.

Он с увлечением говорил о свигах, происходящих в нашей стране.

— Поднято чорт знает что. Приведены в движение миллионы. А нам всема-надесяти лет нет. А что еще дальше у нас будет, а?

Молодым, юношеским огнем горели его глаза. Потом он вздохнул и стал несколько задумчивым.

— Завидую молодым литераторам. Их носит, чорт знает, где. Все могут знать, видеть. А я старик...

Но о работе молодых литераторов, он отзывался неостро. Пишут не то и не так. Не видит главного, что происходит в нашей жизни. Много вводят описаний, деталей. Нужны крупные мазки. С языком неосторожно обращаются. Несерьезно относятся к себе. Мало чувствуют перед читателем ответственности.

Огромная забота о советской литературе проявлялась в нем, забота о каждом писателе нашей страны. И невозможно без чувства глубокой благодарности держать в руках свою рукопись, прочитанную Горьким. Вот рукопись о Балахне, с пометками красным и синим карандашом. Как тщательно исправлена она рукой великого писателя! У меня было написано: «Они сидели в полутемной коробке мягкого отделения вагона и целое утро пили портвейн и курили». Алексей Максимович поправил: «Сидя в полутемной коробке мягкого отделения вагона, они целое утро пили портвейн и курили». Фраза звучит лучше. В рукописи я упомянул имя Килевейна. Алексей Максимович знал его, и сделал замечание: «Упомяните, это был юрист, секретарь партии калегов в Нижнем». Из рукописи он вычеркнул все лишние фразы и слова и даже расставил запятыя, где они были по необходимости пропущены.

Нет больше Горького. Нет неумолимого работника, упорным трудом завоевавшего себе мировую известность, любовь миллионов людей. Одно чувство должно теперь руководить нами — работать! Работать честно, упорно, как Горький, быть похожими на Горького. — АЛ. МУРАТОВ.